

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ
В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Брудный – чл.-корр. НАН КР, докт. филос. наук, профессор

Издательством КРСУ выпущена оригинальная книга московского автора Алексея Алексеевича Клинцова¹. Это основательное, вполне самостоятельное и, безусловно, содержательное научное исследование, основанное на исторических материалах в политологическом обрамлении. Важнейшим фактором оценки фундаментальной монографии служит новизна мысли, политическая актуальность и связь с практикой международных отношений, именно этот фактор представлен в работе с должной полнотой.

Центральная Азия на пути модернизации с неизбежностью встречает вызов глобализации. На фоне процессов глобализации исследование дискурса политических систем в Центральной Азии представляется весьма важным. За годы независимого развития Центральноазиатских государств, в результате создания рыночной экономики в структуре каждого из них произошли и происходят большие изменения, которые требуют как политологического, исторического, так и этнологического осмысления. Изменениям этим посвящена значительная часть монографии. Сразу скажу, что композиционно-стилистически работа построена удачно, структура изложения материала и его анализ вполне оправданы.

Историко-политологическое изучение взаимодействия политических архетипов в Центральной Азии охватывает комплекс вопросов и, в первую очередь, формирование данных архетипов, их исторические корни. В этом контексте проблема, разрабатываемая автором, вызывает интерес, тем более что вопрос о комплексном изучении дискурса политических архетипов в регионе впервые поднимается в отечественной политологии. Книга А.А. Клинцова дает основание политологам, историкам, этнологам ознакомиться с историей формирования политических архетипов стран региона, их современными

взаимоотношениями, главное – с перспективами этих взаимоотношений. Автор монографии как бы берет на себя обязательство высказывать свою точку зрения, критикуя и даже отрицая некоторые иные взгляды.

Анализируя взаимовлияние политических архетипов в Центральной Азии, изменений, происходящих в них и благодаря им, автор трактует их как этническую константу, закрепленную в структуре сознания, оказывающую воздействие на всю картину мира, в том числе и на представление о политической власти и политических взаимоотношениях с соседями. Автор осмысливает используемые в работе термины политологии, истории и этнологии; показывает генезис политических архетипов с позиций историзма; выявляет и анализирует исторические контакты политических архетипов в Центральной Азии. Дискурс в его понимании – это взаимовлияние политических архетипов, которые анализирует в постсоветскую эпоху; прогнозирует дальнейшую трансформацию архетипов и трансформацию самих международных отношений.

Надо прямо сказать, что дискурс (как известно, это связный текст, взятый в единстве с порождающими его ментальными, материальными и социальными факторами) А.А. Клинцов трактует преимущественно как диалог. Я, однако, считаю такую трактовку возможной, ибо полагаю, что текст, как феномен, возник как результат сцепления реплик и диалогический аспект здесь присутствует.

В обзоре литературы дан анализ основных этапов в развитии научной мысли по данной проблематике и, что откровенно, критикуются работы советских политологов, этнологов, историков, современных авторов и не только отечественных. Впрочем, в недостаточном количестве присутствует критика современных российских ученых, чаще всего их труды используются как доказательство (не всегда бесспорное) точки зрения автора. В книге рассматриваются те вопросы и проблемы, которые в недостаточной мере и степени изучены предшественниками, либо освещены необъек-

¹ *Клинцов А.А.* Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. – М; Бишкек, 2009. – 452 с.

тивно, чем часто грешат историки многих стран, освещая их с позиции, выгодной политическому руководству. Если говорить откровенно (а иначе и говорить не стоит), политологические работы вообще объективностью не отличаются, но не такова ли природа политики? Рассматривая её издавна как отношение, мы, бывает, оставляем в тени тот факт, что это пристрастное отношение, и другим оно быть не может. И пристрастный характер изучаемого явления осознанно или неосознанно передается науке, изучающей это явление – политологии. В какой-то мере это относится и к монографии А.А. Клинцева, что отнюдь не лишает её значения и интереса. При этом особый интерес представляет изучение наиболее существенных этнокультурных особенностей сложившихся в Центральной Азии архетипов, их взаимовлияние и даже взаимопроникновение. Появление обновленных политических архетипов в государствах Центральной Азии имеет свой исторический резон, причем именно обновленных, не новых, а обновленных привнесенными инновациями. На их почве растет, по выражению автора, то, что изначально имело свои корни. Понятно, что сегодня это может выглядеть иначе, как продукт трансформации, но в сущностном содержании архетипы остаются прежними, подобно корням, невидимо, но глубоко погруженными в структуры этнической почвы. Поэтому трансформация политических архетипов в системе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии может иметь действительно позитивные результаты, если она будет учитывать “корневую” историческую основу, а не соображения сиюминутной выгоды. А.А. Клинов правильно указывает на то, что трансформация политических архетипов в Центральной Азии должна иметь стратегический характер. Но в чем сущность стратегии? В реализации национальных интересов или в ориентации на участие в решении глобальных проблем? Ведь глобализация – это эффект дробления мощных культурно-политических систем, и вопрос о рассеянии элементов этих систем в Азии способна снять только история. Прогнозы здесь лишены необходимой вероятности. Недавние дискуссии в Копенгагене имели именно эту подпочву.

Вопрос об архетипах заслуживает особого рассмотрения, его значение выходит далеко за рамки рассматриваемой монографии. Изучая архетипы в Кюснахте, в Институте Юнга, я, естественно, рассматриваю их как феномен коллективного бессознательного. Но я не буду возражать против мнения автора, который считает, что, находясь в каждый данный момент существования

под влиянием окружающей среды (международных отношений) и своего опыта, архетип пребывает в состоянии некоторой согласованности всех его частей в целом. Такое стремление к сохранению устойчивости, стабильности, распространяется на его жизненно-элементарные функции и на все проявления его активности в среде (в международных отношениях), в чем, собственно, и выражается психологический аспект саморегуляции архетипически помеченных явлений политической жизни общества. Я говорю “помеченных” потому, что Туроз – это, собственно, метка, отпечаток (отсюда “типография”, “линотип” и пр.), а в значении “образ”, “тип” стал употребляться много позднее. С другой стороны, понимание архетипа как исходного сочетания элементов, оставляющего отпечаток в последующие эпохи, не противоречит основным мыслям автора. В то же время выдержек из Юнга, ясно раскрывающих мысль о том, что архетипы – феномен коллективного бессознательного, в тексте нет. Это серьезное упущение. Я вполне согласен, когда он говорит, что архетип “живет”. Вероятно, его жизнь имеет и ясно выраженный политический аспект.

Через призму политических архетипов можно характеризовать международные отношения государств Центральной Азии со странами вне региона. Признавая необходимость расширения подобных контактов в контексте глобализации, надо отметить, что данное расширение не противоречит политическим архетипам народов центральноазиатских государств, сложившихся под большим влиянием торгово-экономических связей со всей Евразией. Главное направление в “дискурсе” политических систем народов Центральной Азии – это именно внутрорегиональное сотрудничество и взаимодействие, не всегда подразумевающее мирное взаимодействие, ведь война это тоже взаимодействие. Автор считает, что в современных условиях международное сообщество должно прийти на помощь государствам региона в построении современных международных отношений, поскольку сейчас эти отношения бывают отягощены так называемой “болезнью роста”, выражающейся в неспособности договориться по ключевым вопросам в регионе.

Примечательно, и автор убежден в этом, что именно сходство политических архетипов русского народа и центральноазиатских, позволило относительно безболезненно (если позабыть о Скобелеве) присоединить этот регион к России. Поскольку многие инновации в политические архетипы народов региона использовались, по выражению автора, “автоматически”, не меняя

сущностных основ традиционной ментальности, не меняя качественных характеристик политического архетипа.

Заслуживает внимания мысль автора о том, что экономическая и политическая основа социалистического строя как такового была адекватна традиционному укладу жизни этносов Центральной Азии. И потому социализм в самом широком его понимании способствовал не ломке традиционных укладов жизни, как это повсеместно делал капитализм, а напротив – консервации патриархальных черт, присущих этим укладам. Данное утверждение является довольно спорным, но спор на эту тему плодотворен.

А.А. Клинцов полагает, что действительное понимание сущности политических архетипов может основываться только на изучении их конкретной (исторической) корневой основы и того, как они проявлялись в тех или иных ситуативных рефлексиях. В этом автор перекликается с точкой зрения современных этнологов, таких как С.В. Лурье и др. Именно с этой точки зрения в книге рассматриваются проблемы действия политических архетипов как неформальных институтов в дискурсе международных отношений в пространственно-временном измерении. Автор относит принадлежность политических архетипов к неформальным институтам и на этой основе анализирует характер межэтнических отношений.

Сейчас в центральноазиатских странах активизируются процессы развития новой социальной и интернациональной общности. Российская Федерация в силу исторических причин могла бы сохранить свое влияние в регионе. Но, как полагает А.А. Клинцов, во времена президентства Б.Н. Ельцина российское влияние, покоящееся на исторических связях, было утрачено. У России нет своей политики в Центральной Азии, в отличие от США, Евросоюза, Китая, Ирана и др. Россия после 1991 года шла в русле американских интересов в регионе, отстаивала их, опиралась на американские оценки и даже используя американскую риторику. Российская политика до недавнего времени слабо защищала тех людей, которые в той или иной степени проводят в регионе пророссийскую политику. Сегодня российская политика в регионе меняется, но шанс стать ей здесь более успешной, был упущен. Наша действительность стимулирует развитие политологии, истории, этнологии и этносоциологии как инструментов, позволяющих отслеживать, прогнозировать и, следовательно, регулировать международные отношения.

Значение монографического исследования в первую очередь состоит в том, что проделан-

ный анализ “дискурса” политических архетипов в международных отношениях представляет определенную научную аргументацию для корректировки стратегии управления социальными и политическими процессами в регионе.

При всей положительной оценке монографии А.А. Клинцова, считаю необходимым отметить следующие замечания:

Проблемы закономерности в международных отношениях слабо рассмотрены в книге, хоть и заявлены автором как одна из задач исследования.

Несмотря на знакомство автора с трудами авторитетных этнологов, именно этнологического анализа генезиса политических архетипов крайне не хватает исследованию. Обширными историческими экскурсами эту проблему не решить, а это фундаментальный вопрос монографии. Не хватает, на наш взгляд, знакомства автора с трудами К.Г. Юнга, К. Гирца, Р. Рейдфлинга, К. Леви-Стросса, Т. Шварца, С.В. Чешко, К. Дойча.

А.А. Клинцов явно поддерживает точку зрения некоторых политологов на глобализацию как на “навязанный процесс американизации”, успешно реализуемый. Однако обнаруженный еще в 80-х годах такими авторитетными этнологами, как Э. Гэллнер, Ю.В. Бромлей, С.Е. Рыбаков и т.д., эффект “этнического парадокса” не исчез. И, несмотря на внешнюю “американизацию”, конфликты на национальной и религиозной почве не становятся менее острыми. Косвенно это подтверждает и сам автор, когда говорит о сущностной неизменности политических архетипов. Данное противоречие в книге присутствует.

Текст временами перегружен объемными цитатами, тогда как любое утверждение автора можно было бы подтвердить просто сносками. В некоторых вопросах, в том числе в таких важных, как сущность категории “архетип” и природа дискурса, я расхожусь с автором монографии. Но задача рецензента, как я ее понимаю, и состоит именно в том, чтобы оценить проделанную автором работу, не навязывая ему собственные (или разделяемые мной) взгляды.

В заключение хотелось бы отметить, что А.А. Клинцов не новичок в исследовании рассматриваемых проблем. Еще два года назад он заявил о себе, опубликовав небольшую книжечку (74 стр.) “Трансформация развития политических архетипов в их влиянии на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии”.

Сегодня читателю предложен уже новый фундаментальный труд.

Хочется пожелать автору новых успехов на избранном поприще и новых публикаций.